

УДК 82.02

**СЕМИОТИКА РАЯ В КОРАНЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 20-30-Х ГОДОВ XIX
ВЕКА**

Арынгазинова Галия Арстанбековна

[*galiya-muslim@mail.ru*](mailto:galiya-muslim@mail.ru)

Магистрант 2-го года обучения филологического факультета
специальности «Русский язык и литература»
ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Одним из направлений русской литературы 20-30-х гг. XIX в. является кораническая традиция, иллюстрирующая пути и специфику ориентализма. Коран вслед за европейской модой, стал источником поэтического вдохновения для русских поэтов и прозаиков. При этом русская литература явила богатство культурных контактов с магометанской культурой и разные формы философско-эстетического осмысления памятника ислама. Так, в русской литературе представлены: переложение рифмованной прозы Корана в стихи, цитирование аятов Корана, прямое заимствование, 106 подражаний, трансформация мотивов Корана. Коранические мотивы и образы обогащали поэтику, расширяли тематические границы русской литературы. Интерес русских ориенталистов к исламскому Востоку способствовал проникновению не только лексики исламского Востока: *султан, одалиска, минарет, талисман, кипарис, пальма, щербет, чалма*, но и *коранической: Аллах, Магомет, Алкоран, Коран, ислам, мусульманин, гурия* и т. д. Исламские мотивы и образы переосмысливались в соответствии с замыслами поэтов и прозаиков. Религия ислама привлекала русских ориенталистов системой религиозно-философских представлений.

Отображение образов коранического рая в русской литературе является одной из проблем, вызвавших интерес ученых вслед за европейской ориенталистской традицией. Так, французский путешественник и востоковед Клод-Этьен Савари в «Кратком жизнеописании Мухаммеда» отметил: «Зная пылкое воображение арабов, он (Мухаммед) пытался привлечь их прежде всего изяществом стиля, удивить великолепием образов, чем убедить их силой рассудка» [1, 92].

Один из таких «великолепных образов» Корана по силе воздействия на рассудок мусульманина – образ гурии. Первое обстоятельное описание рая в Коране и упоминание о гуриях с их именем представлено в суре 52: 19, 20: «Ешьте и пейте во здравие за то, что совершали, возлежа на ложах, расставленных рядами. И Мы сочетаем их с черноглазыми, большеокими». Коран сулит верующим райскую прохладу, приятные напитки и «черноглазых, большеоких» в награду за их покорность – веру в Аллаха. Религия ислама переносит возможность быть счастливым с настоящего, земного существования за пределы человеческой жизни. Рай обещан мусульманину и за смерть в бою во имя Аллаха: «А у тех, которые убиты на пути Аллаха, – никогда Он не собьет с пути их деяний и введет их в рай» (47:6).

Коранические картины райского сада населяются вечно юными девами – гуриями, которые будут принадлежать праведнику. Рай обещан мусульманину за смерть в бою во имя Аллаха: «А у тех, которые убиты на пути Аллаха, – никогда Он не собьет с пути их деяний: и введет их в рай» (47: 5).

Интересно, что кораническое предписание, в котором гурия – награда умершему праведнику, получаемая им в раю – не воспринималось арабскими поэтами. Творчество Омар ибн Аби Рабиа (644–712), Абу Нуваса (756–813), Абу-ль-Атахия (748–825), Абу-т-Тайба аль-Мутанабби (915–965) мусульманского периода складывалось как жизнелюбивая поэзия в противовес исламским аскетическим идеалам с обещаниями неземного блаженства. Красоту и неповторимость личного чувства, силу обаяния земной любви воспевал Абу-ль-Атахия: *Любимая в блеске своей красоты! // Языческой фрески прекраснее ты. / С тобой забываю сокровища рая, / Эдемского края плоды и цветы!* [1, 72]. (Пер. М. Курганцева).

Актуальность настоящего доклада обусловлена выявлением общности трактовки рая в священной книге всех мусульман и русских поэтов, а также специфики пушкинской интерпретации в стихотворении «Татарская песня» А.С. Пушкина, входящей в поэму «Бахчисарайский фонтан».

Целью доклада является систематизация коранических мотивов, коранических концептов и образов как тенденции в русском ориентализме и изучение своеобразия пушкинского коранического текста.

В «Татарской песне» «Бахчисарайского фонтана» А.С. Пушкина:

Блажен, кто славный берег Дуная

Своею смертью освятит:

К нему навстречу дева рая

С улыбкой страстной полетит (IV, 159)

образ гурии становится не только знаковой экспликацией исламского Востока, но воплощением картины мира, с точки зрения Корана. Дева как признак мира наслаждения, обещание страсти за доблестную смерть.

Н.М. Лобикова отмечает «яркую ориентальность “Татарской песни”» [2, 38], а Л. Тартаковская считает, что не только «Подражания Корану», но и «Татарская песня» в поэме «по существу уже построены по принципу национальной трансформации, основанной на воплощении во всей образной структуре произведения восточного (точнее – коранического) типа мышления» [1, 190].

Этот же коранический мотив встречается в шестой строфе пушкинского цикла «Подражаний Корану»:

Блаженны падиши в сраженьи:

Теперь они вошли в эдем

И потонули в наслажденье,

Не отравляемом ничем (II, 317).

Перекличка двух произведений говорит о том, что уже при написании «Бахчисарайского фонтана» (1822) А. Пушкин стал интересоваться Кораном или начал его изучать. Нельзя не обратить внимание еще на один мотив Корана в «Татарской песне»: *Дарует небо человеку / Замену слез и частых бед: // Блажен факир, узревший Мекку / На старости печальных лет* (IV, 158). Л. Тартаковская указывает на «неточное употребление А. Пушкиным слова “факир” вместо “хаджи”» [3, 190].

Обратимся к духовному первоисточнику. Совершивший паломничество в Мекку по традиции удостоивается почетного звания «хаджия». Но слово «факир» в переводе с арабского значит «бедняк». Именно бедняку сложно выполнить паломничество в Мекку (ал-хадж), так как оно требует значительных материальных затрат. В Коране отмечается: «И завершайте хадж и посещение ради Аллаха. Если вы затруднены (т. е. бедны или больны), то – выкуп постом, или милостыней, или жертвой» (2: 192). Данный нюанс и запечатлен в поэме А.С. Пушкина. История мусульманского обычая посещения Мекки ведет свой отсчет с 631 года, когда Мухаммед побывал в этом городе после девяти лет пребывания в Медине и конфронтации с мекканцами. Тогда же он совершил ритуальное поклонение Каабе и другим местным святыням, тем самым канонизировав прежние языческие обряды, включив их в культ ислама.

Обращение к другим художественным опытам создания образа гурии русскими поэтами показывает влияние семантики. В переводе с арабского слово «гурия» (араб. «хурийа») происходит от «хур» – черноглазость. Этимологией слова навеяны строчки из стихотворения «Черные очи» (1836): русского поэта В.Г. Бенедиктова (1807-1873): *Очи, очи – обольщенье! // Как чудесно вы могли / Дать небесное значенье / Цвету скорбному земли!* [81, II, 529].

Сложное воспроизведение любовных переживаний и философская оценка предписаний Корана представлены в стихотворении Н.Ф. Павлова (1803-1864) «Песнь магометанина» (1825): *Не славьте мне блаженство рая, / Когда земное встречу там, / Когда, для страсти оживая, / Паду я гурии к ногам* [5, 35]. Автор выходит за пределы любовной темы, ставя под сомнение «блаженство рая», обещанное Кораном. Испытав любовь и «любви измену», поэт определяет без колебаний как вполне решенное: он не только не

верит «в наслаждения, которые сулит любовь», но и не хочет земную любовь с ее страданиями поменять на «перси вечной красоты» рая.

В стихотворении А.А. Шишкова (1799-1832) «Н.Т. Ау» (1815) поэт вообще переносит коранический рай на землю, и, естественно, восточный колорит в стихотворении условный, но поэт использует коранический нюанс – райская дева – «вечно юная», то есть сохраняющая свою девственность для услады мусульманина в раю: *И страстных гурий нежный взор, / Всегда приветный, вечно юный...* [81, II, 401].

«Мы ведь создали их творением и сделали их девственницами» (56: 34, 35), – констатирует Коран. Если собрать воедино разбросанные по многим сурам описания гурии, то предстает следующий портрет: праведникам даны в раю супруги «черноокие, большеглазые, подобные жемчугу хранимому» (56: 22), девственницы – гурии, которых «не коснулся до них ни человек, ни джин» (55: 56). «Они – точно яхонт и жемчуг» (55: 58), «добротные, прекрасные» (55: 70) и «полногрудые сверстницы» (78: 33), и еще «скромноокие» (55: 56), «с потупленными взорами» (38: 52), то есть полностью подчиненные небесному супругу. Дополнить портрет гурии можно с помощью аята: «Сады рая, в которые они войдут, украсившись там браслетами из золота и жемчугом; одеяния их там – шелк» (35: 30). По Корану, человек в зависимости от поступков в земной жизни попадает либо в рай, либо в ад: «Мы ведь приготовили для неверных цепи, узы и огонь» (76: 4), – предупреждает Аллах.

А. Ротчев (1806-1873) в стихотворении «Уж близок день, когда печаль наляжет...» (1828) точно следует положениям Корана:

*Уж близок день, когда печаль наляжет
На дикое преступника чело;
Когда ему гремящий голос скажет,
Куда его безумье завлекло!
Убив навек дни радости живые,
Не утолит он глада своего,
И кости лишь преступника сухие
Провозгласят о бытии его:
На них огонь струею разольется,
И от него взвизывающийся дым,
О гибели предвозвещаая злым,
На высотах далеко пронесется!
Но в сей же день, при стройном шуме вод,
Под тенью мирт, на ложе отдыхая,
Блаженный муж, беспечный, познает
Все радости, все наслажденья рая!
И гурия, блестящая красой,
Его дарит любви святой приветом,
И юноша, жемчужною рукой,
Ему несет золотой сосуд с шербетом [6, 35].*

В стихотворении преступник после смерти попадает в ад, довольно подробно описанный Кораном: «Ведь тот, кто приходит к своему Господу грешником, – для него геенна, в которой он не умирает и не живет» (20: 76), «который будет гореть в огне величайшем» (87: 12). А муж «блаженный» в тот же день оказывается в раю. Надо сказать, что в примечаниях к стихотворению в сборнике «Русская поэзия XIX в.» даются варьируемые А. Ротчевым мотивы сур Корана [7, 85], которые можно конкретизировать и указать такие аяты: 38: 49–54; 40: 17, 43; 43: 74; 44: 9, 51–55; 46: 33; 52: 24: «Поистине, грешники пребывают вечно в наказании геенны!» (43: 74); «Подождите же дня, когда небо изведет ясный дым» (44: 9); «Войдите в рай, вы и ваши жены, будете ублажены! Их будут обносить блюдами из золота и чашами; в них – то, что пожелают души и чем услаждаются

очи. И вы в этом пребудете вечно!» (43: 70, 71); «Обходят их мальчишки вечно юные с чашами, сосу- 89 дами и кубками из текучего источника...» (56: 17, 18).

Интерес русского поэта к восточной культуре вылился в цикл стихотворений, позволяющий читателю погрузиться в малознакомый, но увлекательный мир Корана. Черты гурии в портрете своей современницы видит А. Подолинский (1806-1886) в стихотворении «Портрет» (1828), посвященном А.П. Керн: *Когда, стройна и светлоока, / Передо мной стоит она, / Я мыслю: гурия пророка / С небес на землю сведена! // Коса и кудри темно-русы, / Наряд небрежный и простой, / И на груди роскошной бусы / Роскошно зыблются порой.* В стихотворении вместо коранической «черноглазой, большеокой» гурия «светлоока» и вместо одеяния гурии – шелка – наряд героини «небрежный и простой», но созданный образ ассоциируется с кораническим: «Сады рая, в которые они войдут, украсившись там браслетами из золота и жемчугом...» (35: 30) и будут там «полногрудые сверстницы» (78: 33): «И на груди роскошной бусы // Роскошно зыблются порой».

Современные литературоведы в поэмах А. Подолинского видят прежде всего «ориентальную экзотику» и относят к «эпигонской и романтической лирике» [9, II, 372, 496]. Поэт не просто обращался к «восточным поверьям», но знал Коран и использовал в своих произведениях коранические мотивы и образы.

Внимание к поэтике Подолинского становится почвой сравнения с позицией Пушкина. М.Л. Нольман считает, что «Пушкин, в отличие от Подолинского, ни разу не применил восточный образ “гурии” к европейской женщине» [7, 133], и в известной пародии на это стихотворение поэт писал: *Когда стройна и светлоока, / Передо мной стоит она... // Я мыслю: “в день Ильи-пророка / Она была разведена!* (III, 125). Исследователь отмечает, что «у Пушкина слово “гурия” встречается лишь один-единственный раз» – в стихотворении «В прохладе сладостной фонтанов...»: *Но ни один волшебник милый, / Владелец умственных даров, / Не вымышлял с такую силой, / Так хитро сказок и стихов, / Как прозорливый и крылатый / Поэт той чудной стороны, / Где мужи грозны и косматы, / А жены гуриям равны...* (III, 129). Вместе с тем в «Татарской песне» «Бахчисарайского фонтана» возникает вместо «гурии» – «дева рая», а в «Подражаниях Корану» – «жены чистые».

Необходимо отметить, что подобная картина прослеживается и в Коране. К примеру, И.Ю. Крачковский не только обращает внимание на первое упоминание слова «гурия» в суре 52: 20, но и указывает на последнее его упоминание в суре 44, так как в дальнейшем исследователь находит в Коране – «чистые супруги»: «Для них там – супруги чистые, и они там будут пребывать вечно» (2: 23, 4: 60). Этот мотив звучит и в стихотворении В.И. Туманского «Дом на Босфоре»: *О! сколь пророка благ закон! // Для мысли – светлый мир; для неги – мир прекрасный / Гарема чистых дев и жен* [8, I, 306].

Развитием темы «магометанского рая» явилась лекция Н. Гоголя «Ал-Мамун. Историческая характеристика»: «это постановление (Корана о рае) извергалось из огненного аравийского климата, из огненной природы араба, что этот рай для магометанина есть великий оазис среди пустыни его жизни, что надежда в этот рай одна только заставляла чувственного араба терпеливо сносить бедность, притеснение, подавлять в душе своей зависть при виде утопающего в роскоши сибарита. Мысль, что он будет, наконец, находиться среди гурий, среди роскоши, превышающей роскошь земных владык, одна могла быть доступна для такой чувственности и цветистости воображения, каким природа наделила араба...» [4, 60].

Итак, обзор воплощения образа рая в русской литературе 20-30-х гг. XIX в., в том числе поэзии А.С. Пушкина показал единство коранических концептов, образов и мотивов и вместе с тем особый характер пушкинского восприятия, который заключался в особом чувстве поэта к магометанскому востоку. Оно выражалось прежде всего в его стихотворениях и поэмах, таких как «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник»,

«Татарская песня» и т.д. С того момента как поэт познакомился со Священной книгой мусульман, поэт переходит на новый уровень своего творчества.

Список использованных источников

1. Исламские мотивы и образы в русской литературе 20-30-х годов XIX века. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014. – 155 с.
2. Пиотровский М.Б. Коранические сказания. – М.: Наука, 1991. – 219 с.
3. Степанов Н.Л. Лирика Пушкина: очерки и этюды. – М.: Худож. лит., 1974. – 219 с.
4. Каменева М.Б. Исламские мотивы и образы в русской литературе 20-30-х годов XIX века. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014. – 155 с.